

РАЗМЫШЛЕНИЯ РАЗГИЛЬДЯЯ

Вот я люблю кино чтоб с самолетами. Чтоб все например летят и катастрофа по дороге, террористы, лангольеры или просто мотор отвалился и все летят уже удивленно. А какая-нибудь чтоб стюардесса героически сажала самолет по телефону. Потому что главный пилот отключился (допустим). И туман обязательно, буран и плохая видимость.

Один такой фильм видела – умереть. Она там самолет на посадку садит, а в это время сверху истребитель военный подбирается (дружески) и опытный пилот на веревке через дыру в потолке лезет до стюардессы, тоже героически. Пару раз промахивается, турбулентность кругом, уже и веревка протерлась и наконец вот, проходит прямо в дыру. А она платочек поправила деликатно и к нему:

– Роджер! Помпаж на глиссаде.

Это авиационное у них, профессиональный разговор. А потом садятся уже, с пафосом.

Приснился мне на днях президент Путин, который возвращает в прокат большого облезлого крокодила на колесиках. Крокодил очень драный, с облупившейся краской. Очередь тоже помятая, но смотрит строго. Пахнет вчерающим. Путин тянет животное за веревку, осторожно распихивает собравшихся и бормочет:

– Больше такого не повторится, товарищи. Больше не повторится.

Я тут чего подумала, Костя. Может, если переворот у вас будет, в президенты тебе податься, а? Ну то есть действующий чтоб президент сказал краткую речь о своей отставке, а потом бы резко мужественный голос за кадром:

– Катаняныч, пошел!

И ты по ступенькам мраморным спускаешься, солидно так, под первый концерт Чайковского. А кругом девушки, фонтаны и общее ликовение.

А мышка Ванюшка у нас, вот интересно, он все прыгает чего-то, все только подскакивает и ест, а бегать никак, это вообще нормально у них, не знаешь? Его же может полечить надо.

Вчера ездили в горы насчет грибов. Грибов нет, но нашли тухлую рыбку, и я в нее наступила. А узнала я об этом уже в машине. Спасибо вам, Владимир!

– Мама, мама, не хочу я в эту америку!

– Заткнись и плыви.

Вторая мышка у нас со вчера, имя ей Манюшка, ушки розовые. Они с Ванюшкой на углу цветочного горшка встречаются, под геранью. Манюшка деликатно пробегивается, а Ванюшка все подскакивает, подскакивает, и хвост на отлете. Орел! А потом крысъей побежкой назад, под веник. Вот они, гусарские будни.

А листья все облетают, и белки к зиме стали толстые.

Привет, Максим, начну с главного: питательная ценность бакланов сильно преувеличена слухами. Не советую. Хотя решать конечно вам. Дисконтные карты у нас точно имеются. В какие магазины, точно не знаю. У меня например карточка есть в Safeway, супермаркет довольно приличный. Сама, правда, туда не хожу, но там, по карточке если брать, дешевизна, говорят, немыслимая.

А еще костковская есть карточка, чуть не забыла. Это такие чудовищного размера супермаркеты оптовые. В них все, что купишь, назад можно вернуть. И зубную, допустим, пасту, и еду, и носки, и личное оборудование – такая политика. И сыр еще можно брать – невкусный, зато много. Страшно выгодно. Но карточка пожалуй что не дисконтная.

Да что там Костко! Поговорим-ка лучше про Волмарт. Про эту позорную бородавку на здоровом организме американской торговли.

Сэм Уолтон был один гражданин из местных. Он тут развел тучу дешевых супермаркетов для жителей глубинки. Чтобы там какой-нибудь техасский фермер, отбросив тяпку, ехал в этот чертов волмарт и покупал себе разом и косу, и колбасу, и двустволовочку.

Отец-основатель сам скромник был ужасный, всегда в рваных джинсах и на старом траке, да и все равно он уже помер, а только магазины сэмовы расплодились страшно. Для раскрепощенных и немного слепых людей с плохими способностями к счету там есть все. Причем недавно волмартовские объявили, что собираются сделать свою одежду еще красивее... Ну тут я уже просто не знаю.

Вот радуга сейчас на небе, очень яркая, а туча синяя, а трава зеленая, а кусты мокрые, и на фоне всей этой естественнонаучной красоты цинично летает упитанный грязный баклан. От нас причем до океана два часа непешком, а он пожалуйста – разлетался. А сам как полторы собаки в полете. Бакланы потому что морские животные, чего он тут делает. Дурак какой-то. В остальном все тихо.

Вчера было прощеное воскресенье, а теперь просто вторник, и идет дождь.

У президента Вашингтона нашего была, оказывается, вставная челюсть из ценного дерева. Хорошей работы. И он, когда умирал, он завещал ее грядущим поколениям, то есть нам с вами.

Так и сказал – кому, говорит, я должен, всем прощаю. И челюсть вынул. И носки тоже снял.

– Передайте, говорит, в музей.

И мистер Коробок в этом музее был. И все видел. Носки, кстати, пропали. А вот чем он ее мыл, челюсть-то? Мыла же не было нормального тогда. Или в Америке и тогда уже все было?

Но вот что открылось впоследствии. Историческая деревянная челюсть отца нашего и вседержителя – подложная. Настоящая была из костей гиппопотама с золотыми инкрустациями, и украдена еще в прошлом веке вскоре после гибели доброго зверя.

Георг потерял все зубы когда был еще совсем малюткой. Они пожалуй даже и вовсе не выросли. Он плохо питался, играл деревянными игрушками и не имел носков. Дворовые бросались в него бумажками, обзывались жоржиком и гогой-магой.

Промчались годы. Пришел час расплаты. Вставная челюсть была на мощных пружинах, которые распирали прибор изнутри, чтоб зубы не выпали. Особенно накалялась опасность во время речи, при сильном споре или за обедом. Да и за государственным делом, когда иной раз отец нации забывался, задумавшись, чемодан норовил распахнуться. На ночь челюсть можно было подвязать матузкой, но в присутствии соратников и политических недругов такое было недопустимо. Вашингтону пришлось разрабатывать несгибаемый самоконтроль, чтобы не выронить свой капкан и не запятнать навеки честь державы.

Таким он и остался в наших сердцах и на наших банкнотах: простой молчаливый человек с железной волей, который ненавидел манную кашу.

Вот был поучительный случай, тоже. Одна девчонка пошла гулять со своим молодым человеком. Ну по улице просто. И уже довольно далеко они зашли, и тут она внезапно вспомнила, что забыла, как его зовут. А юноша был перспективный, с серьезными намерениями. А главное, давно ухаживает, неудобно же переспрашивать!

А тот все лопочет чего-то по-своему, кокетничает, а она – угу, угу. А сама думает, думает, думает: тьфу ты.

И по ассоциациям уже пробовала, и разговор наводила, чтоб сам проговорился, – ну никак, хоть тресни.

И тут телефонная будка навстречу, наконец-то.

Она сразу: ах, я должна срочно позвонить Маше, я обещала.

А Маши-то дома не было, by the way.

Так она в конце концов Светкиной маме дозвонилась, та слава богу вспомнила. А то вообще не знаю.

А мне вот приснилось вчера, что я умерла. И я подхожу, глаза себе закрыть, а они плохо чего-то закрываются, некрасиво. Будто прижмурилась. А хочется же хорошо все-таки выглядеть. Смотрю, вроде я разложилась уже, что ли. Давно наверное лежу, попортилась. Но без грусти так, вроде насморка. Что бы это значило все, интересно.

Вот я когда умру, за гробом моим пойдет компьютерный TigerDirect с очередными баснословными скидками хрен знает на что, безутешный Bank of America с новыми нескромными предложениями и энергичная многонациональная стая увеличителей пениса. И то хорошо, потому что если б не они, которые мне в ящик о себе напоминают четыре раза в сутки, так никто может и не вспомнит. А всем остальным потом станет очень стыдно. И мне обязательно выпишут нобелевскую премию вслед. А только поздно будет.

22 сентября,
полдень.
На чужбине.